

Н.П. Таньшина
РАНХиГС, Москва

**«ИМПЕРИЯ ЦАРЕЙ И РУССКИЕ»
АНАТОЛЯ ЛЕРУА-БОЛЬЕ:
НОВЫЙ ВЗГЛЯД НА РОССИЮ?**

Автор анализирует книгу известного французского социолога и публициста Анатоля Леруа-Болье (1842–1912) «Империя царей и русские» (1881–1888), опубликованную в трех томах на волне франко-русского сближения. Традиционно как в зарубежной, так и в отечественной историографии труды Леруа-Болье воспринимаются как идейная основа франко-русского союза, а его самого именуют исследователем, открывшим новый взгляд на Россию и сформировавшим новое направление в россике. Однако так ли кардинально его книга отличалась от работ его предшественников? Действительно ли она предложила абсолютно новый взгляд на Россию и русских, и именно по этой причине стала популярной и читаемой? На основе компаративного анализа книги Леруа-Болье и работ его предшественников автор статьи делает вывод о том, что разрыв с предшествующей традицией был не столь очевидным, а выводы не столь новаторскими. Вовсе не идеализируя Россию, Леруа-Болье относился к ней с большой симпатией, хотя традиционный взгляд сквозь оптику превосходства зачастую прослеживается и в его подходе. Для него Россия – это царство «лакун и пробелов», которые можно исправить при правильном использовании западного опыта. В статье также сделан вывод о том, что в условиях франко-германской напряженности и наметившегося российско-французского сближения книга Леруа-Болье пришлась к месту и ко времени. Именно поэтому ее читали, а не только потому, что она содержала новый, доброжелательный и объективный взгляд на великую, огромную, но при этом вовсе не страшную Россию.

Ключевые слова: А. Леруа-Болье, «Империя царей и русские», россика, имагология, стереотипы взаимного восприятия, франко-русские отношения конца XIX в.

Благодарности: Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС.

Цитирование: *Таньшина Н.П.* «Империя царей и русские» Анатоля Леруа-Болье: новый взгляд на Россию? DOI 10.32608/0235-4349-2022-

1-55-166-190 // Французский ежегодник 2022: Французы за пределами Франции. Т. 55. М.: ИВИ РАН, 2022. С. 166-190.

Поступила в редакцию: 08.03.2022

Принята к печати: 04.07.2022

Natalia Tanshina

Russian Presidential Academy
of National Economy and
Public Administration

**«THE EMPIRE OF TSARS AND THE RUSSIANS» BY
ANATOLE LEROY-BEAULIEU: A NEW LOOK AT RUSSIA?**

The author of article analyzes the book of the eminent French sociologist and publicist Anatole Leroy-Beaulieu (1842–1912) «The Empire of the Tsars and the Russians» (1881–1888), published in three volumes in the wake of the Franco-Russian rapprochement. Traditionally the works of Leroy-Beaulieu are perceived in foreign and Russian historiography as an ideological basis of the Franco-Russian alliance. Leroy-Beaulieu himself is considered as a researcher who suggested a new view of Russia and a new direction in Russian studies. However, does Leroy-Beaulieu's book differ so radically from the works of his predecessors? Does it really contain a completely new look at Russia and Russians, and for this reason it has become popular and widely read? Based on a comparative analysis of the book by Leroy-Beaulieu and the works of his predecessors, the author of article concludes that Leroy-Beaulieu's break with the previous tradition was not so obvious, and his conclusions were not so innovative. Far from idealizing Russia, Leroy-Beaulieu treated this country with great sympathy, although the traditional view through the optics of superiority is often traced in his approach. Therefore, Russia for Leroy-Beaulieu is a realm of «lacunae and gaps» that can be meliorated with the correct use of Western experience. The author of article concludes also that in the period of Franco-German tension and the emerging Russian French rapprochement, the book of Leroy-Beaulieu fell into place and time. That is why it was well accepted because it contained a new, friendly, and objective view on the great, immense, but not at all terrible Russia.

Keywords: A. Leroy-Beaulieu, «The Empire of Tsars and the Russians», rossika, image studies, stereotypes of mutual perception, Franco-Russian relations in the late 19th century

Acknowledgements: The article was written on the basis of the RANEPА state assignment research program.

Citation: Tanshina, N.T. (2022). «Imperii tsareï i russkie» Anatolia Lerua Bol'e: novyi vzgliad na Rossiю? [«The Empire of Tsars and the Russians» by Anatole Leroy-Beaulieu: A New Look at Russia]. DOI 10.32608/0235-4349-2022-1-55-166-190. *Annual of French Studies* 2022, vol. 55, p. 166-190.

Россия для Франции и французов во все времена была значимым *Другим*, начиная с символического установления отношений между нашими странами в 1051 г., когда дочь Ярослава Мудрого Анна была выдана замуж за французского короля Генриха I. Потом, вслед за расколом церквей и монгольским нашествием в двусторонних контактах наступила пауза, затянувшаяся до конца XVII столетия.

Все изменилось с петровских преобразований. Именно с Петра Великого французы, впоследствии писавшие о России, начинали ее историю, именуя Россию молодым государством и страной без истории. До Петра же, по их мнению, в ней царили «хаос и тьма», о чем писал, например, в своей «Полярной звезде» виконт Виктор д'Арленкур, с большой симпатией относившийся к России¹.

Именно с реформ Петра I и визита в 1717 г. российского государя во Францию там началась продолжающаяся до сих пор дискуссия о месте и роли России в Европе и мире, о характере российской власти и государственности. Как отмечает известный российский франковед П.П. Черкасов, эта дискуссия, изначально получившая культурно-идеологическую направленность, постепенно охватила все страны, причисляющие себя к евроатлантической цивилизации. Но именно французских политических мыслителей, начиная с философов века Просвещения, можно с полным основанием считать пионерами в области русистики². По словам российского историка А.В. Гордона, Франция «присвоила себе в Новое время честь и обрела широко признанное право представлять европейскую цивилизацию и, более того, Цивилизацию как универсальное явление»³.

¹ *Arincourt Ch.-V. L'Étoile polaire*. Т. 1–2. Р., 1843. Т. 1. Р. 183.

² *Черкасов П.П. Дихотомия русофильства и русофобства // Таньшина Н.П. Русофилы и русофобы. Приключения французов в николаевской России*. М., 2020. С. 5.

³ *Гордон А.В. Россия в истории французской мысли (XVIII–XXI вв.) // Россия и современный мир. Россия и современный мир: проблемы, мнения, дискуссии, события: научный журнал. Проблемы. Мнения. Дискуссии. События: N. 4 (57). 2007. С. 90–110. С. 90.*

Именно в XVIII в. обозначились и два взгляда на Россию, которые условно можно характеризовать как русофобский и русофильский. Правда, первый, представленный Ш. Л. Монтескье и Ж.-Ж. Руссо, преобладал, и большая часть французской интеллектуальной элиты прочно усвоила высокомерно-презрительное отношение к России. Для Монтескье Россия – воплощение деспотизма, который не смогли смягчить даже благие намерения ее правителей. Руссо же считал, что Петр попытался цивилизовать Россию слишком рано, а его гений был не созидательным, а подражательным. Идея о том, что русские – нация подражателей и имитаторов, прочно вошла в сознание французов и в целом европейцев. А тезис Руссо о том, что Российская империя якобы задалась целью подчинить себе Европу еще до того, как сама была покорена татарами, стал невероятно популярным среди русофобов, как отмечает швейцарский исследователь, публицист и общественный деятель Ги Меттан⁴.

Руссоистский взгляд через «оптику превосходства», помноженный на традиционное противопоставление России Западу как *Другого*, то есть, *Чужого*, с опорой на бинарные оппозиции, когда все хорошее приписывалось Западу, а все плохое – Востоку, в том числе России, был сохранен и даже усилен в XIX в. Миф о «варварской» России в условиях постнаполеоновской Франции, потерявшей свое былое величие, выполнял компенсаторную функцию, формируя представления Франции о себе если уже не как о мощной политической силе, то хотя бы как о центре мировой культуры и цивилизации.

Наиболее ярким символом французской, и в целом западной русофобии стала книга маркиза Астольфа де Кюстина «Россия в 1839 году», опубликованная в 1843 г. и сразу ставшая бестселлером. Как отмечал известный франко-швейцарский исследователь Жорж Нива, работа Кюстина является «основой основ западной русистики»⁵, настольной книгой всех дипломатов и политиков, работающих в России или с Россией. Но, к сожалению, эта книга является и основой основ русофобии, своеобразной библией русофобов.

Русофобская тенденция не была единственной и не имела монопольного влияния на французское общественное сознание.

⁴ Меттан Г. Запад – Россия: тысячелетняя война. История русофобии от Карла Великого до украинского кризиса. М., 2017. С. 210.

⁵ Нива Ж. Русофил. История жизни Жоржа Нива, рассказанная им самим. М., 2020. С. 210.

В 1830–1840 гг. в России побывало много французских путешественников, и многие из них оставили свои работы о России⁶. Однако громкий успех книги Кюстина, помимо прочего, имел следствием забвение сочинений целого ряда других французских авторов. Большинство из этих работ никогда не переводились на русский язык, многие были забыты и в самой Франции. Специалисты в области рекламы прекрасно знают: хорошая история – это негативная история, страшная сказка в духе книги маркиза де Кюстина, в которой читатели находили уже растиражированные клише и образы.

«Журнальные войны»⁷, спровоцированные книгой Кюстина, в итоге вылились в самую настоящую войну, Крымскую, или Восточную (1853–1856). Однако после войны отношения между странами начали быстро восстанавливаться. Характерно, что изменение взгляда на Россию началось через литературу, когда благодаря усилиям Проспера Мериме наша страна стала объектом пристального и благожелательного внимания. Как писал уже упоминавшийся Ж. Нива, «когда Запад жил сухим позитивизмом, появился русский роман», а «Россия многое дала Западу уже после смерти маркиза»⁸.

Но решающим моментом в трансформации взгляда на Россию стало поражение Франции во франко-прусской войне 1870–1871 гг. Как отмечал в конце 1960-х гг. французский исследователь Шарль Корбе, восприятие французами России зависело от двух факторов: как Франция сама себя ощущала, и каковы были ее ожидания от России⁹. Соответственно, сильная Франция испытывала к России по большей части презрение, к которому добавлялся страх, но Франция, обескровленная войной, изменила свой взгляд на Россию, стремясь найти в ней защиту от немецкой угрозы. Поражение в войне нанесло удар по негативному восприятию

⁶ Подробнее см.: Таньшина Н.П. Русофилы и русофобы. Приключения французов в николаевской России.

⁷ Термин «информационные войны» тогда не употребляли; в России их называли «журнальными войнами» – так это явление обозначено в отчетах Третьего отделения Императорской канцелярии. См.: Россия под надзором. Отчеты III отделения 1827–1869 / Сост. М.В. Сидорова, Е.И. Щербакова. М., 2006. С. 365. «Журнальные войны» – потому что «газета» по-французски – это и есть *le journal*. Подробно о журнальных войнах см.: Таньшина Н.П. Самодержавие и либерализм: эпоха Николая I и Луи-Филиппа Орлеанского. М., 2018. С. 145–160.

⁸ Нива Ж. Русофил. С. 210.

⁹ Corbet Ch. A l'ère des nationalismes. L'opinion française face à l'inconnue russe (1799–1894). P., 1967. P. 11.

России и, начиная с этого времени, русофобия, затронувшая самые широкие слои французского общества, в том числе и низы, сменяется чувством прямо противоположным. То есть политическая обстановка, германские военные угрозы – все это побуждало Францию искать союзника в лице России, и именно это привело к трансформации взгляда на нее и росту интереса к ней. Можно сказать, что любовь к России – это обратная сторона ненависти к Германии.

И даже огромный белый медведь, пресловутый символ России, начинает восприниматься как покровитель и защитник француженки Марианны от немецкой опасности¹⁰. Дело шло к франко-русскому союзу и, если можно так сказать, «золотому веку» в истории русско-французских отношений. Именно тогда, в 1880-х гг., написал свою трехтомную книгу «Империя царей и русские» (другой перевод – «Царская империя и русские») известный французский социолог и публицист Анатоль Леруа-Болье (1842–1912)¹¹.

Его труды, прежде всего «Империю царей», как в зарубежной, так и в отечественной историографии считают идейной основой франко-русского союза¹², а его самого именуют французским славянофилом¹³, исследователем, открывшим новый взгляд на Россию и сформировавшим новое направление в россике. Так, современник Леруа-Болье, Э. М. де Вогюэ, чье высказывание приводит на страницах своей статьи О.С. Данилова, отмечал: «...Он увидел и вполне раскрыл нам огромную неведомую страну»¹⁴. Сама же исследовательница подчеркивает, что его книга «стала тем произведе-

¹⁰ Речь идет о карикатуре Адольфа Вилле, опубликованной в газете «Le Soleil» от 18 ноября 1893 г.

¹¹ А. Леруа-Болье — французский публицист, сотрудник журнала *La Revue des deux mondes*, получил степень профессора в парижской свободной школе Политических наук, член Французской академии (1887). Его деятельность и интеллектуальное наследие неизменно привлекают большое внимание исследователей, свидетельством чему является серьезная историография, анализ которой см., например: *Цыкова К.А.* Россия второй половины XIX – начала XX вв. в трудах Анатоля Леруа-Болье. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2005. Три тома книги «Империя царей и русские» были опубликованы в 1881, 1882 и 1889 гг. Во Франции книга выдержала четыре издания и была переведена на немецкий и английский языки еще при жизни автора.

¹² *Raeff M.* Introduction // *Leroy-Beaulieu A.* L'Empire des tsars et les Russes. Т. 1–3. Р., 1991; *Данилова О.С.* Анатоль Леруа-Болье: от русистики к «славянофильству» // *Славянский альманах.* 2007. М., 2008. С. 110; *Нива Ж.* Возвращение в Европу. Статьи о русской литературе. М., 1999. С. 68. URL: Microsoft Word - 3BEAB680-1866-3800.doc (free.fr)

¹³ См. об этом: *Данилова О.С.* Анатоль Леруа-Болье: от русистики к «славянофильству». С. 109–110.

¹⁴ Цит по: Там же. С. 110

нием, по которому французы в XIX в. судили о России, она явилась работой-новшеством для французской исторической науки тех лет. Слависты, оценивая этот труд, в один голос утверждали – с выходом книги можно говорить о новом подходе к изучению России»¹⁵.

Кроме того, исследователи традиционно противопоставляют сочинения Кюстина и Леруа-Болье, подчеркивая, что во Франции сформировалось два направления русистов: сторонники Кюстина и Леруа-Болье. Например, Ж. Нива писал: «Французские слависты делятся на два резко отличных типа: настольная книга одних – «Россия в 1839 году» Кюстина <...> другие предпочитают держать под рукой Леруа-Болье»¹⁶.

Я согласна с Ж. Нива, так писавшем о методе Леруа-Болье и особенностях его подхода: «Верные умозаключения приобретаются не рывком, не при помощи игры парадоксами и растравливания личных обид, не злопамятностью (случай Кюстина), но терпением и трудом, основанным на твердых, но снисходительных убеждениях»¹⁷.

Однако так ли кардинально книга Леруа-Болье отличается от работ его предшественников? Действительно ли она содержит абсолютно новый взгляд на Россию и русских, и именно по этой причине стала популярной и читаемой? Произошло ли это только потому, что Леруа-Болье много путешествовал по России и изучал ее изнутри, причем в самых разных аспектах? Или дело в историческом моменте появления книги, в изменившемся отношении к России и изменившихся ожиданиях от России? Попытаемся в этом разобраться.

* * *

Если сравнить труд Леруа-Болье с предшествующей традицией, то, на мой взгляд, разрыв с ней не столь категоричен. Ведь и сам Леруа-Болье в предисловии к своей книге указывал, что опирался на работы своих предшественников или авторов, писавших параллельно с ним, отмечая работы А. Гакстгаузена, Кс. Мармье, Молинари, Л.-А. Леузон Ле Дюка, А. Рамбо, Л. Леже и многих других исследователей¹⁸. Кроме того, его взгляды формировались под влиянием идей А. Токвиля, И. Тэна и Ж. Мишле. Многие из этих авторов вовсе не симпатизировали России, взять того же

¹⁵ Там же. С. 112.

¹⁶ *Нива Ж.* Возвращение в Европу. С. 73.

¹⁷ Там же.

¹⁸ *Leroy-Beaulieu A.* L'Empire des tsars et les Russes. Т. 1. Р., 1881. Р. VII–VIII.

конъюнктурного русофоба Леузон Ле Дюка, или даже осторожно-критичного Ксавье Мармье, или Алексиса Токвиля с его противопоставлением России и Америки, не говоря уже о Жюле Мишле. В результате, даже стремясь к объективному и независимому взгляду, Леруа-Болье не мог не испытывать влияния прочитанного, и это отчетливо проявляется на страницах его книги.

Конечно, работа Леруа-Болье – это уже не собрание анекдотов и забавных историй о России, какими изобилуют книги В. д' Арленкура, Ф. Лакруа, Ж. де Ланьи, Л.-А. Леузон Ле Дюка и в целом, многих, кто прежде писал о России, причем как в позитивном, так и негативном ключе¹⁹. Его подход отличается тем, что он не только лично был знаком с представителями российской элиты (это было характерно и для его предшественников), он читал произведения российских общественных деятелей и историков, знал концепции и работы С.М. Соловьева, Д.И. Иловайского, Н.И. Костомарова, И.Е. Забелина, свободно владел русским языком, как книжным, так и разговорным, чем, по словам Жоржа Нива, заметно отличался от многих своих коллег, «пытавшихся ставить “диагноз” России, не зная при этом ни слова по-русски»²⁰.

Леруа-Болье строил свою работу не только на знании работ своих соотечественников и российских авторов, он неоднократно бывал в России. Хотя еще со времен путешествий эпохи Ренессанса сложилось мнение, что вовсе не обязательно посещать страну изучения, поскольку лучше ее знает не тот, кто в ней побывал, а тот, кто ее лучше изучил. Как метко заметил Ф.М. Достоевский, француз «еще в Париже знал, что напишет о России; даже, пожалуй, напишет свое путешествие в Париже, еще прежде поездки в Россию, продаст его книгопродавцу и уже потом приедет к нам – блеснуть, пленить и улететь»²¹. Леруа-Болье впервые посетил Россию в 1872 г. (он планировал свой визит в Россию еще в 1870 г., но тот не состоялся по причине начавшейся франко-прусской войны)

¹⁹ *Arlincourt Ch.-V. L'Étoile polaire. T. 1-2. P., 1843; Julvécourt P. de. Balalayka, Chants populaires russes et autres morceaux de poésies traduits en vers en et prose. P., 1837; Lacroix F. Les Mystères de la Russie, tableau politique et moral de l'Empire Russe. P., 1845; Lagny G. de. Le knout et les russes. Moeurs et organisation de la Russie. P., 1853; Saint-Julien Ch., de. Voyage pittoresque en Russie par M. Charles de Saint-Julien, suivi d'un Voyage en Sibirie, par M. R. Bourdier. P., 1854; Léouzon Le Duc L. La Question russe. P., 1853; Léouzon Le Duc L. La Russie et la civilisation européenne. P., 1854. Marmier X. Lettres sur la Russie, la Finlande et la Pologne. T. 1-2. P., 1843.*

²⁰ Нива Ж. Возвращение в Европу. С. 70.

²¹ Достоевский Ф.М. Ряд статей о русской литературе (1861) // Полн. собр. соч.: В 30 т. Т. 18. Л., 1978. С. 44.

и неоднократно возвращался сюда (в предисловии к своей книге отмечал, что до 1881 г. он побывал в России четыре раза)²², а потом приезжал в Россию в 1905, 1906 и 1907 гг.²³

Конечно, это не было первое столь длительное пребывание в России. Например, граф Поль де Жюльвекур прожил в России семь лет (с 1833 по 1840 гг.) и даже женился на русской; барон Проспер де Барант, посол Франции в России, занимал свой пост с 1835 по 1841 гг.; дважды, в 1836 и 1842–1843 гг. посещал Россию знаменитый художник Орас Верне; путешественник и исследователь Леузон Ле Дюк бывал в России многократно (в 1840, 1842, 1846–1847 и 1850–1851 гг.); литератор и журналист Шарль де Сен-Жюльен много лет работал в Санкт-Петербурге. И все они оставили свои работы о России. Другое дело, что русского языка, за редким исключением, они не знали.

Свой труд Леруа-Болье не писал наскоком. По его собственным словам, его книга – плод десяти лет работы и четырех лет пребывания в России²⁴. Обычно работы писались по горячим следам, и публиковались сразу после возвращения. Исключение составляет книга Кюстина, которая увидела свет спустя четыре года после путешествия. Хотя изначально заметки о России публиковались Леруа-Болье в журнале *La Revue des Deux Mondes* («Обозрение двух миров»), книга не стала просто сборником этих статей. Как отмечал сам автор, это совершенно переработанный материал, дополненный после новых визитов в Россию и общения, в том числе, с русскими²⁵.

Как справедливо отмечал Шарль Корбе, все авторы писали о России так, будто никто до них ее не изучал, и игнорировали достижения своих предшественников, поэтому каждое поколение начинало заново этот сизифов труд²⁶. И каждый автор подчеркивал, что до появления его книги Россию либо вовсе не знали, либо писали о ней сплошные небылицы. Это общее место, и таких примеров можно привести много. Например, Ш. де Сен-Жюльен в предисловии к своей книге «Живописное путешествие по России», опубликованной в 1853 г., отмечал, что, за исключением небольшого количества работ, публиковавшихся в *La Revue des Deux Mondes* и некоторых других журналах, о России издавались толь-

²² Leroy-Beaulieu A. L'Empire des tsars et les Russes. Т. 1. P. V.

²³ Цыкова К.А. Указ. соч. С. 13.

²⁴ Leroy-Beaulieu A. Op. cit. P. V.

²⁵ Ibid. P. VI.

²⁶ Corbet Ch. Op. cit. P. 9.

ко книги, содержавшие заблуждения или являвшиеся памфлетами. Россия, по его мнению, остается *terra incognita* для Европы, отдаленная от нее расстоянием, языковым барьером и отсутствием серьезного изучения на местности²⁷. Другой автор, Ж. де Ланьи, отмечал: «Относительно этой страны царит полное невежество», а в книгах «вымысел занимает место правды»²⁸.

Леруа-Болье, вслед за многими своими соотечественниками, заново открывает Россию для французского читателя, подчеркивая, что французы в целом не знают за границу, и в этом заключается одна из важнейших ошибок Франции и одна из главных причин ее иллюзий. При этом он подчеркивает, что Франция должна изучать не только соседние государства, поскольку, как во времена античной Греции, «современная Европа формирует семью, члены которой, несмотря на существующие распри, живут вместе, сохраняя личную независимость»²⁹.

Как и его предшественники, Леруа-Болье подчеркивает, что Россия, самое обширное государство Европы, насчитывающее больше всего жителей, известна меньше, чем мусульманский Восток и Новый Свет: «Расстояния больше не могут отделять Россию от нас, но нравы, учреждения, язык – все это создает между ней и остальной Европой высокие стены, опирающиеся на религиозные или политические предрассудки»³⁰.

Подчеркивая, что европейцы и французы плохо знали Россию, Леруа-Болье не без оснований отмечает, что тенденциозный и необъективный взгляд на Россию был связан с опасениями, вызванными ее активной внешней политикой: императора Николая I на Западе сравнивали с Аттилой, а русских – с гуннами, готовыми подчинить Европу. Поэтому российская политика, продолжает Леруа-Болье, вызвала «жалость к ее жертвам и влияла на наши суждения о России», на которую смотрели глазами поляков, и очень часто узнавали только по работам ее противников. А Мишле, убежденный защитник поляков, написавший в начале 1850-х гг. серию антироссийских статей, был историком, под влиянием идей которого, наряду с А. Токвилем и И. Тэнном, Леруа-Болье сформировался как исследователь, да и сам он был полонофилом и в молодости писал стихи в защиту Польши³¹.

²⁷ *Saint-Julien Ch., de.* Op. cit. P. 4–5.

²⁸ *Lagny G. de.* Op. cit. P. 1.

²⁹ *Leroy-Beaulieu A.* Op. cit. P. 1.

³⁰ *Ibid.* P. 2.

³¹ *Цыкова К.А.* Указ. Соч. С. 66.

Как и его предшественники, например, Жермен де Ланьи, автор книги-пасквиля «Кнут и русские»³², Леруа-Болье подчеркивает, что русские исследователи не могут написать объективную национальную историю, хотя «любят говорить, что только они и могут писать о России. Мы им охотно позволили бы нарисовать свой портрет, если бы они могли представить свою страну с тем же усердием, искренностью, интересом, как мы этого хотим»³³. То есть иностранный взгляд объективнее, полагает Леруа-Болье, поскольку он не связан с «партийными взглядами и школьными теориями»³⁴.

Начинает свое повествование Леруа-Болье с описания природно-географических условий, территорий, климата, рельефа местности, то есть в духе подхода Ш.-Л. Монтескье и многих других французов, писавших о России.

Как и его предшественники, Леруа-Болье пытается ответить на главный вопрос: является ли Россия европейской страной? По этому вопросу ко времени написания книги Леруа-Болье во Франции сформировался целый спектр мнений. Например, Проспер де Барант, Нестор Консидеран считали Россию страной, вовсе не чуждой западной цивилизации и идущей по тому же пути, что и Европа, но со своей спецификой. Поль де Жюльвекур и Виктор д'Арленкур полагали, что именно за Россией, а не за Европой – будущее («будущее находится на берегах Невы»³⁵, – писал Жюльвекур). Большинство же, например, Астольф де Кюстин, Орас Верне, Фредерик Лакруа, Жермен де Ланьи утверждали, что все в России – только видимость, и никогда она не приблизится к Европе и не приобщится к европейской цивилизации.

Позиция Леруа-Болье не столь однозначна. Да, Россия серьезно отличается от Европы, и многое ее от нее отделяло и отделяет. Но, в отличие от многих других исследователей, он пытается Россию понять и объяснить ее путь, выяснить, в чем причина ее отставания и инаковости. Ж. Нива отмечает, что «тонкое и глубокое русофильство» Леруа-Болье «защищает Россию от слишком упрощенных взглядов на нее, распространенных на Западе:

³² По словам де Ланьи, русские историки не могли быть беспристрастными: «Национальные историки не имеют права писать по совести: их оценка зависит от золота правительства. См.: *Lagny G. de*. Op. cit. P. 1.

³³ *Leroy-Beaulieu A.* Op. cit. P. 2.

³⁴ Ibid.

³⁵ *Julvécourt P. de*. Balalayka, Op. cit. P. VII.

он опровергает тех, кто стремился навязать ей западные политические схемы»³⁶. До Леруа-Болье только редкие авторы, такие как, например, П. де Барант и Н. Консидеран подчеркивали, что Россию нельзя подгонять под европейские стандарты и постоянно сравнивать с Европой. Но сам он, на мой взгляд, при всей своей симпатии к России, зачастую попадает в ловушку стереотипов и начинает сравнивать.

Инаковость России Леруа-Болье объясняет, прежде всего, спецификой ее исторического развития. Сравнивая российскую историю с историей народов Европы, он именуется ее «негативной», в том смысле, что «история России отличается от истории других европейских наций скорее тем, чего ей недостает, нежели тем, чем она владеет». Если для Кюстина Россия – «царство фасадов», то для Леруа-Болье – «царство лакун и пробелов». И лакуны в прошлом соотносятся с лакунами в настоящем, с лакунами в области культуры и даже в самом духе русского народа. «Эта пустота истории, это отсутствие традиций и национальных институтов у народа, который не смог заимствовать чужие традиции <...> мне представляется одной из причин негативных склонностей русской интеллигенции (именно этот термин он использует – *Н.Т.*), одной из отдаленных причин морального и политического нигилизма»³⁷.

Московия, продолжает Леруа-Болье, не знала феодализма, который, с принципом взаимосвязи между службой и долгом формировал понятие права; она не знала рыцарства, а именно ему Запад обязан идеей чести, и именно в этом Монтескье, как отмечает исследователь, усматривал фундамент монархии и основу чувства собственного достоинства. Россия никогда не имела дворянства, а ее единственными рыцарями были казаки – «армии дезертиров и беглых крепостных, сообщество авантюристов наполовину христианских, наполовину пиратских, которым степь гарантировала дикую свободу»³⁸.

Россия не имела ни коммун, ни хартий, ни буржуазии, ни третьего сословия. Новгород, Псков, Вятка, находящиеся на окраинах страны, являлись, по мнению Леруа-Болье, лишь исключением из правила, и этого было явно недостаточного для развития страны. И даже городов, продолжает он, не было. В Московии, освободившейся от татарского ига, был только один город, резиденция кня-

³⁶ *Нува Ж.* Возвращение в Европу. С. 68–69.

³⁷ *Leroy-Beaulieu A.* Op. cit. P. 236–237.

³⁸ *Ibid.* P. 238.

зя, но эта столица была лишь огромной деревней, а сама Московия была «государством крестьян, сельской империей». Между тем, подчеркивает Леруа-Болье, без городов нет ни богатства, ни искусств, ни науки, ни политической жизни. Более того, нет самой цивилизации³⁹. Замечу, что все эти утверждения далеко не новы; эти же самые мысли высказывал в своих «Заметках о России» посол Проспер де Барант, историк и знаток Средневековья.

Россия, как и европейские государства, отмечает Леруа-Болье, была централизованной монархией. Однако «она не имела ни одного из инструментов или институтов европейских монархий, парламентов и университетов, людей мантии и ученых. Она имела монархов, но никогда не имела двора. Закрытые в тереме, татарском или византийском гинееце, царицы и царевны позволяли царям хамство по отношению к своему полу (здесь он ссылается на историка И.Е. Забелина. – *Н.Т.*). Московия не имела ни замков, ни дворцов. Кремль был лишь крепостью и монастырем, в котором низменные армейские удовольствия перемежались с утомительной чопорностью церковников»⁴⁰.

В результате, по словам Леруа-Болье, сбросив татарское иго, Московия пробудилась в самом расцвете средневековья, однако «без крестовых походов и рыцарства, без трубадуров и труверов, без схоластиков и легистов, без всего этого у нее было лишь усеченное средневековье. Без Реформации, без Ренессанса, без Революции, ее новая история была еще более неполноценной. Она испытала только отдаленные последствия великих событий и великих эпох истории Европы XII–XVIII вв. Чем был бы народ Запада без всего этого?»⁴¹, – задается вопросом Леруа-Болье.

Поэтому, лишённая всего того, что наполняло историю западных наций, история России представляется Леруа-Болье «бедной, безжизненной и пустынной, как равнинные деревни Севера... Ни один народ не имел опыта такого ущербного, и в то же время, такого печального образования»⁴². И дальше Леруа-Болье повторяет появившуюся еще во времена Сигизмунда Герберштейна и окончательно упроченную Кюстином мысль о том, что русские – нация имитаторов, способная лишь копировать, а не созидать. Русскому народу, по словам Леруа-Болье, было отказано в оригинальности,

³⁹ Ibid.

⁴⁰ Ibid.

⁴¹ Ibid. P. 239.

⁴² Ibid. P. 240.

ему не хватало разнообразия. «Россия имела достаточно соседей и отношений с ними, чтобы всегда оставаться в состоянии имитации. Она последовательно прошла от нравственного ига Греции и татар, литовцев и поляков, чтобы закончить игом немецким или французским. Постоянно пребывая в состоянии интеллектуального вассалитета, копируя иностранные обычаи, идеи и моды, она была почти неспособна приспособить к себе чужие институты и сделать их национальными»⁴³.

Как видим, в этом отношении Леруа-Болье воспроизводит устоявшиеся клише: Россия – страна без истории, без прошлого, не знавшая ни Ренессанса, ни Реформации, ни великих потрясений Нового времени. Не способная к созиданию, она лишь копирует внешние элементы. Самая поразительная вещь в русской истории, по словам Леруа-Болье, – это ее «крайняя бедность и бесплодность». Россия, несмотря на сложную судьбу и потрясения, «избежала великих религиозных или интеллектуальных движений, она не прошла через великие социальные или политические эпохи, которыми была отмечена бурная и насыщенная жизнь западных народов»⁴⁴.

Однако Россия, по мнению Леруа-Болье, – это не только «страна пробелов», но и страна парадоксов, и это проявляется в ее историческом развитии: Россия – страна старая, но все в ней – новое. И далее он приводит слова Жозефа де Местра, по его мнению, лучшего знатока России, который писал одному русскому: «У вас ничто не уважается, потому что ничего нет древнего». Эти слова, отмечает Леруа-Болье, потом повторил П.Я. Чаадаев: «Всемирное воспитание человеческого рода на нас не распространилось»⁴⁵.

В другой части своей книги Леруа-Болье поясняет, что Россия все-таки имеет длительную историю, однако цепь ее национального существования дважды или трижды резко прерывалась. Поэтому «свою историю русский народ скорее терпит, нежели делает»⁴⁶. Русская история была скорее пассивной, нежели активной, в отличие от Запада, где свободно развивался национальный гений. Если европейцы сами делали свою историю, то русские плыли по ходу течения, или просто терпели, не пытаясь переделать свою судьбу. В этом отношении, отмечает Леруа-Болье, Рос-

⁴³ Ibid.

⁴⁴ Ibid. P. 236.

⁴⁵ Ibid. P. 238.

⁴⁶ Ibid. P. 196.

сия очень мало похожа на европейские нации; история просто «давит на плечи русского народа»⁴⁷.

Как нация русские тоже находятся в стадии формирования (опять-таки, это общее место). Леруа-Болье даже сомневается в существовании русской нации как таковой, подчеркивая, что «единства почвы», то есть проживания на одной территории, недостаточно для того, чтобы обеспечить политическое единство; нужен материальный или моральный консенсус среди населения, некоторое родство крови и духа, без чего нет национального единства. В России, по его мнению, этого единства пока нет⁴⁸. Отсюда – некий незавершенный, импрессионистский портрет русской жизни и русской нации, набросок, который, по его собственным словам, делает Леруа-Болье. Русские напоминают ему актера, который должен выйти на сцену, не выучив своей роли, или человека, который, не получив образования в детстве, обязан постигать науки во взрослом состоянии⁴⁹.

Если до Леруа-Болье, французы, имевшие скептический взгляд на Россию, как правило, просто утверждали, что Россия – страна варварская, дикая, не способная воспринимать европейские ценности, то Леруа-Болье стремится выяснить, почему Россия не пошла по пути европейской цивилизации? И он дает на этот вопрос следующий ответ: «Татарское иго и борьба против Польши высосали все ее соки. Россия с ее вековой инерцией могла бы ответить на этот вопрос словами аббата де Сийеса, когда его спросили о том, что он делал во время Террора: “Я выживал”. Чтобы не быть уничтоженной монголами, ей нужно было долгое время притворяться мертвой. Все усилия Московии были направлены на сохранение национального тела. Как ребенок крепкого сложения, она вышла закаленной и ожесточенной испытаниями, которые должны были ее погубить. Но испытания, дав ей физическую силу, ограничили ее интеллектуальное развитие»⁵⁰. Таким образом, по мнению Леруа-Болье, катастрофически сложная историческая судьба направила все силы России на физическое выживание, поэтому ни на какие интеллектуальные достижения и даже просто развитие сил не хватило.

Монгольское нашествие Леруа-Болье с полным на то основанием считает водоразделом, отдалившим Русь от Европы, и име-

⁴⁷ Ibid.

⁴⁸ Ibid. P. 57.

⁴⁹ Ibid. P. IX.

⁵⁰ Ibid. P. 241.

нует это событие катастрофой, изменившей ход российской истории, когда к пагубному влиянию климата добавилось пагубное влияние истории: «Как и климат, история тоже ожесточает»⁵¹.

То есть нашествие и иго закалили русский народ, а, освободившись от ига, русские смогли пойти по пути европеизации: «Потрясенные игом, отмывшись от грязи и раболепия, сняв одежды и отказавшись от обычаев, принятых при экзотических хозяевах или учителях, Россия, славянские христиане, должны были постепенно стать европейцами»⁵².

Историю России, молодого государства и нации, Леруа-Болье, как и многие авторы, писавшие до него, начинает с Петра Великого, отмечая, что в XVII в. Россия имела еще «рудиментарное, эмбриональное устройство»⁵³.

Со времен Просвещения в Европе утверждается двойственный взгляд на преобразования Петра I. Если Вольтер заложил позитивный взгляд, то, по мнению Руссо, Петр слишком рано попытался цивилизовать не готовую к этому нацию. Леруа-Болье тоже ставит этот вопрос: «Могла ли западная цивилизация быть привита Петром Великим к московитской дикости, или, из-за отсутствия европейского сока, европейская цивилизация не могла привиться на чужом дереве?»⁵⁴

По мнению Леруа-Болье, несмотря на то что у Петра Великого не было исторических предшественников, его реформы не были чуждыми и искусственными, иначе бы они не прижились; дело Петра было обосновано всей логикой развития России: «Россия была слишком близка к Европе, она имела слишком много сходного с нами по крови и религии, чтобы не почувствовать однажды привлекательности нашей цивилизации»⁵⁵ (в этом усматривается традиционная «оптика превосходства». – *Н.Т.*).

Барьеры, который разломал Петр, по мнению Леруа-Болье, были хрупкими: «Эти традиции, эти привычки, которые он так внезапно разрушил, не имели ни в почве, ни в истории нерушимых корней»⁵⁶. Более того, продолжает исследователь, если дело Петра не умерло вместе с ним, то это потому, что оно являлось «есте-

⁵¹ Ibid. P. 221–223.

⁵² Ibid. P. 250.

⁵³ Ibid. P. 240–241.

⁵⁴ Ibid. P. 50.

⁵⁵ Ibid. P. 242–243.

⁵⁶ Ibid. P. 249.

ственным предназначением этого народа», и приводит слова Монтескье о том, что Петр I дал нравы и манеры Европы европейской нации⁵⁷.

В то же время концепции Леруа-Болье присущи внутренние противоречия. С одной стороны, он утверждает, что допетровская Россия была чужда Европе, и ее история была абсолютна не похожа на историю Запада. С другой стороны, по его словам, традиции и порядки, разрушенные Петром, поддались потому, что не имели корней в обществе, а если нововведения прижились, значит, они имели глубинную основу и логично вытекали из предшествующей истории. Но при этом дальше Леруа-Болье развивает тезис Ж.-Ж. Руссо о том, что Петр слишком рано начал приобщать русских к цивилизации, а стремлением к заимствованиям привело к тому, что русские превратились в имитаторов. По мнению Леруа-Болье, Петр «толкнул русских на путь имитации, погасив у них дух инициативы, и отдал их от прогресса. Приучив их к тому, что за них думают другие, он отдал эту прерогативу иностранцам. Эта тенденция к имитации на столетие затормозила появление национальной самобытной литературы. Петербург, подчиняясь всевозможным влияниям Запада, послушно воспроизводя все самое противоположное, учась у энциклопедистов и французских эмигрантов, у Вольтера и Жозефа де Местра, от усталости или вялости слишком часто скатывался в бесплодный и неконструктивный скептицизм. Привычка к имитации соединилась с тягой к внешним проявлениям, с культом похожести»⁵⁸.

При этом только высшие классы оказались пропитаны западными нравами и идеями; масса народа осталась невосприимчивой к ним. В результате, продолжает Леруа-Болье, Россия оказалась разделенной на два изолированных по языку и привычкам народа, неспособных друг друга понять: «Крупные города и дворянские усадьбы выглядели как иностранные колонии посреди деревень. Для огромного большинства нации готовность, с которой правящие классы бросились в сторону Запада, стала даже причиной отсталости. Народ, значительно отставший от свои хозяев, погряз в своем варварстве»⁵⁹. При этом «вся правительственная организация была искусственной и чуждой для народа. Большинство законов были экзотическими: они напоминали заимствованные одеж-

⁵⁷ Ibid.

⁵⁸ Ibid. P. 257.

⁵⁹ Ibid. P. 258.

ды, не соответствующими ни размеру, ни привычкам нации»⁶⁰, а «институты, импортированные из-за границы, не имеющие корней в стране, были помещены в неподготовленную для них почву. Если на Западе Новое время базировалось на Средних веках, а каждое столетие на предыдущем, то в России весь политический каркас, как и сама цивилизация, не имели ни национальных основ, ни исторического фундамента»⁶¹. Как видим, перед нами явные противоречия не в русской истории, а в суждениях автора книги «Империя царей».

Екатерина Великая, по мнению Леруа-Болье, была подлинной продолжательницей дела Петра (но в негативном смысле: «Она на него очень похожа – без морали, свободная от всяких добродетелей и качеств государственного деятеля»⁶²); в императоре Александре I, чувствовавшем себя Мессией и мечтавшем вылечить народ, воплотились все противоречия и надежды его эпохи, одной из самых бурных в истории⁶³; в личности императора Николая I «казалось, возродились старые московские цари, омолодившиеся и приглаженные на современный манер <...> Николай был олицетворением идеального самодержца. Он отклонял все изменения, а его идеалом была стабильность. Напуганный западными революциями, он изолировался от Европы»⁶⁴. И только при императоре Александре II⁶⁵, подчеркивает исследователь, «двери империи снова были открыты, и, наконец, была проведена реформа, которая должна была примирить Россию как с самой собой, так и с Европой»⁶⁶, имея в виду отмену крепостного права. Таким образом, «правление Александра II может быть рассмотрено как окончание длительного исторического цикла аристократических реформ»⁶⁷. При этом, подчеркивает Леруа-Болье, Великие реформы императора Александра II не являлись просто «переоблицовкой фасада; были заменены и переделаны сами основы общества»⁶⁸.

---

⁶⁰ Ibid.

⁶¹ Ibid.

⁶² Ibid. P. 251.

⁶³ Ibid. P. 262.

⁶⁴ Ibid.

⁶⁵ Первый том книги «Империя царей» появился после убийства императора Александра II. Предисловие к нему датировано апрелем 1881 г.

⁶⁶ *Leroy-Beaulieu A. Op. cit. P. 262.*

⁶⁷ Ibid. P. 265.

⁶⁸ Ibid.

Итак, прошлое России мрачно и драматично. Однако, подчеркивает исследователь, если «русская почва была неподготовлена для того, чтобы служить колыбелью европейской культуры, но она замечательно пригодна для того, чтобы ею стать»⁶⁹. Отмечая, что если сегодня Россия кажется слабой по сравнению со странами Европы, то через столетие Европа будет не в состоянии с ней соперничать. И русские, по его словам, прекрасно понимают, что придет день, когда их мощь сравняется с их естественными ресурсами и размерами их территорий⁷⁰. Россия – вовсе не колосс на глиняных ногах, как о том многие писали; и если прошлое России Леруа-Болье воспринимал в традиционном ключе, то относительно ее будущего был гораздо более оптимистичным.

Леруа-Болье отмечал, что России, как молодой, формирующейся нации, предстояло выполнить одновременно задачу и Европы, и Америки. В этом отношении взгляд Леруа-Болье во многом сходен с взглядом А. де Токвиля, а книгу Леруа-Болье не только противопоставляли книге Кюстина, но и считали неким аналогом работы Токвиля, только о России. Но если либерала Токвиля самодержавная и недемократичная Россия пугала, то либерал Леруа-Болье такого страха не испытывал, да и настроения во Франции быстро менялись, поэтому огромная по своим масштабам Россия воспринимались уже не как сила угрожающая, а как сила оборонительная и защищающая.

* * *

Итак, к каким же выводам приходит Леруа-Болье? Как он отвечает на поставленные им самим принципиальные вопросы: «Россия принадлежит к Европе или Азии? Имеет ли она с нами цивилизационную общность, или чуждая по своей крови и своей культуре европейской семье, она обречена быть азиатским народом, лишь прикрытым заимствованными европейскими одеждами?»⁷¹. Если предшественники Леруа-Болье весьма четко и однозначно отвечали на этот вопрос: для одних Россия никогда не будет Европой, для других она идет по тому же пути, но со своей спецификой, то Леруа-Болье, анализируя дискуссии, происходившие в российском обществе, идет вслед за спорами западников и славянофилов, но не дает категоричный ответ, а размышляет: «Размещенная между

⁶⁹ Ibid. P. 57.

⁷⁰ Ibid. 48.

⁷¹ Ibid. P. 57.

Европой и Азией, имеющая и ту, и другую кровь, Россия будто бы является следствием этого брачного союза; но, морально и политически, чьей дочерью она является? В чем Россия европейская, в чем азиатская, а в чем просто славянская и русская? Подготовили ли ее века ее долгого детства к европейской жизни, или Россия формировалась в собственной оригинальной культуре, сильно отличающейся от западной?»⁷² И далее приводит вопрос, поставленный Ю.Ф. Самариним: разница между Россией и Европой заключается в степени цивилизации или в самом факте ее наличия?⁷³

По мнению Леруа-Болье, монгольское нашествие и последующее иго развели пути развития России и Европы; именно вследствие этого драматического события Русь пошла иным путем. Петр Великий попытался вернуть Россию в семью европейских народов, однако «в своей страсти навязать цивилизацию он был одновременно как варваром, так и великим человеком, как тираном, так и реформатором, а его метод противоречил его цели»⁷⁴. И только император Александр II, проведя Крестьянскую реформу, окончательно направил Россию по европейскому пути. Однако Россия – страна догоняющего развития, и ей только предстоит пройти свой путь приобщения к западным ценностям, а ее «пробелы» при правильном использовании западного опыта можно исправить, хотя от тезиса о том, что Россия – это царство фасадов, он тоже не отказывается, подчеркивая, что «в России, как хорошо известно, власть всегда активно действует для создания имиджа, стремясь показать себя в лучшем свете»⁷⁵. Как справедливо отмечает отечественная исследовательница Т.В. Партаненко, Леруа-Болье «окончательно завершил начатую Вольтером линию позитивного восприятия России как страны молодой, нуждающейся в совершенствованиях и научениях со стороны Франции»⁷⁶. Тем более, что основа для такого восприятия России была подготовлена самой международной ситуацией, и именно она, на мой взгляд, способствовала интересу к книге Леруа-Болье: Россия для французов стала не просто интересной; ее поддержка была для Франции жизненно необходимой.

⁷² Ibid. P. 199.

⁷³ Ibid.

⁷⁴ Ibid. P. 248–249.

⁷⁵ Ibid. P. XI.

⁷⁶ Партаненко Т.В. Представления о России во Франции конца XIX – начала XX вв. // *Studia Culturae*. 2002. № 2. С. 34.

Насколько выводы, сделанные Леруа-Болье были новаторскими? Действительно ли, как отмечала О.С. Данилова, «с появлением “Царской империи” европейская общественность наконец получила наиболее полную, добротную и интересно написанную книгу о самой сути жизни России, что позволило широко и по-новому взглянуть на эту страну, сломав предрассудки и заполнив многочисленные белые пятна в истории ее развития в глазах иностранцев»⁷⁷? В предыдущие годы в России побывало много французов, и много работ было ими написано о России. Зачастую эти книги были либо прокюстиновскими, резко обличительными, как, например, работы Ж. де Ланьи и Ф. Лакруа, либо идеализирующими российскую действительность, как, например, работы П. де Жюльвекура и В. д’Арленкура. Но были и работы вполне нейтральные, как, например, книги филолога Ксавье Мармье. А исследователь северных земель Л.-А. Леузон Ле Дюк и вовсе писал работы на любой вкус: откровенно русофобские, более взвешенные и даже сентиментальные романы. Многие авторы также изучали влияние климата и территории на характер народа, религию, крепостное право, императорскую власть и систему администрации, то есть, исследовали примерно то же, что Леруа-Болье. Но все эти работы, написанные тоже ярко и интересно, быстро забывались, разве что, кроме книги А. де Кюстина. Это происходило потому, что Россия, несмотря на активную русофобскую риторику в Европе, не была основной темой во французском политическом дискурсе и общественной жизни. Как в своих записках времен Крымской войны отметил историк-славянофил М.П. Погодин, есть две Европы: Европа газет и журналов, падкая на антирусские статьи и зарабатывающая на русофобии, и Европа настоящая, думающая о своих делах, процентах и акциях⁷⁸, которую Россия интересовала примерно так же, как, например, Занзибар. Но после поражения в войне 1870–1871 гг. ситуация кардинально изменилась, поменялся взгляд на Россию, и то, о чем писал Леруа-Болье, стало восприниматься иначе. Поэтому его книга не просто оказалась востребованной, она рекомендовалась к изучению во всех учебных заведениях, где готовили будущих славистов⁷⁹.

⁷⁷ Данилова О.С. Указ. соч. С. 118.

⁷⁸ Погодин М.П. Записки М. П. Погодина о политике России. 1853—1854 // Русская старина. 1874. Т. 10. Вып. 5. С. 124.

⁷⁹ Данилова О.С. Указ. соч. С. 118.

Авторы, изучающие творчество Леруа-Болье, подчеркивают, что со времени публикации его книги, именно по ней французы судят о России, подтверждением чему являются переиздания этой книги. Очевидно, книга А. Леруа-Болье, написанная на волне русско-французского сближения, отвечала настроениям и духу времени. Но после Октябрьской революции дружба окончилась, и взгляд на Россию снова переменился. Поэтому на Западе до сих пор востребована книга Кюстина, а имя Леруа-Болье помнят разве что специалисты. И дело вовсе не в достоинствах каждой из книг, а в политической конъюнктуре. Не случайно американский дипломат Джордж Кеннан, один из творцов внешнеполитической «доктрины сдерживания» и автор книги о работе маркиза де Кюстина заметил, что «Россия в 1839 году» была несправедлива, когда вышла в свет, но стала правдивой через сто лет⁸⁰.

Да, Анатолий Леруа-Болье относился к России с безусловной симпатией, при этом вовсе не был ее апологетом и не идеализировал ее, отчетливо видя «пробелы» в ее развитии. Далеко не новаторскими были его выводы. Однако он, прежде всего, стремился Россию понять, хотя, как и многие, писавшие до него, сравнивал Россию с Европой, и, не находя общих моментов, говорил об ущербности русской истории, взирая на Россию через традиционную оптику превосходства. И это отразилось уже в названии книги – «Империя царей». Почему царей? Потому что французы только в 1745 г. признали титул императора за Петром Великим, но по традиции все российские императоры для них – просто «цари». Как отмечал Ги Меттан, «несмотря на свою декларируемую прорусскую позицию, Анатолий Леруа-Болье активно эксплуатирует стереотипы, рожденные в ходе либеральных антирусских дискуссий XIX века»⁸¹, хотя, на мой взгляд, делает он это, скорее, по инерции и сложившейся историографической традиции.

В то же время, я согласна с мнением Ж. Нива, что «Империя царей и русские» – достойный подражания пример взвешенности и выверенности ученого труда⁸², для подхода которого характерна «прозрачная ясность»⁸³. И если в предыдущие десятилетия такие взвешенные книги, не имеющие налета сенсации и разоблачений, не были интересны французскому читателю, то в условиях

⁸⁰ Нива Ж. Возвращение в Европу. С. 73.

⁸¹ Меттан Г. Указ. соч. С. 226.

⁸² Нива Ж. Возвращение в Европу. С. 70.

⁸³ Там же. С. 65.

наметившегося российско-французского сближения книга Леруа-Болье пришлась к месту и ко времени. На Россию тогда начала формироваться не просто мода, но своеобразная любовь, основанная на страхе перед Германией, когда французы, по образному выражению Ш. Корбе, франко-русский союз, этот брак по расчету, быстро превратили в союз по любви⁸⁴. Отсюда и такой интерес к этой книге. Именно поэтому ее читали, а вовсе не потому, что она содержала новый, доброжелательный и объективный взгляд на великую, огромную, но при этом вовсе не страшную Россию.

REFERENCES

- Гордон А.В.* Россия в истории французской мысли (XVIII–XXI вв.) // Россия и современный мир. Россия и современный мир: проблемы, мнения, дискуссии, события: научный журнал. Проблемы. Мнения. Дискуссии. События: N. 4 (57). 2007. С. 90–110 [Gordon A.V. Rossiia v istorii frantsuzskoi mysli (XVIII–XXI vv.) // Rossiia i sovremennyi mir. Rossiia i sovremennyi mir: problemy, mneniia, diskussii, sobytiia: nauchnyi zhurnal. Problemy. Mneniia. Diskussii. Sobytiia: N. 4 (57). 2007. S. 90–110].
- Данилова О.С.* Анатолий Леруа-Болье: от русистики к “славянофильству” // Славянский альманах. 2007. Москва, 2008. С. 109–125. [Danilova O.S. Anatol' Lerua-Bol'e: ot rusistiki k “slavianofil'stvu” // Slavianskii al'manakh. 2007. Moscow, 2008. S. 109–125].
- Достоевский Ф.М.* Ряд статей о русской литературе (1861) // Полн. собр. соч.: В 30 т. Т. 18. Ленинград, 1978. 371 с. [Dostoevskii F.M. Riad statei o russkoi literature (1861) // Poln. sobr. soch.: V 30 t. T. 18. Leningrad, 1978].
- Меттан Г.* Запад – Россия: тысячелетняя война. История русофобии от Карла Великого до украинского кризиса. Москва, 2017 [Mettan G. Zapad – Rossiia: tysiacheletniaia voina. Istoriia rusofobii ot Karla Velikogo do ukrainskogo krizisa. Moscow, 2017].
- Нива Ж.* Возвращение в Европу. Статьи о русской литературе / Пер. с фр. Е.Э. Ляминой. Москва, 1999. 303 с. // URL: Microsoft Word - 3BEAB680-1866-3800.doc (free.fr) [Niva Zh. Vozvrashchenie v Evropu. Stat'i o russkoi literature / Per. s fr. E.E. Liaminoi. Moscow, 1999].
- Нива Ж.* Русофил. История жизни Жоржа Нива, рассказанная им самим. Москва, 2020 [Niva Zh. Rusofil. Istoriia zhizni Zhorzha Niva, rasskazannaia im samim. Moscow, 2020].

⁸⁴ *Corbet Ch.* Op. cit. P. 464.

- Партаненко Т.В.* Представления о России во Франции конца XIX – начала XX вв. // *Studia Culturae*. 2002. № 2. С. 25–35. [Partaneneko T.V. Predstavleniia o Rossii vo Frantsii kontsa XIX - nachala XX vv. // *Studia Culturae*. 2002. № 2. S. 25–35].
- Таньшина Н.П.* Русофилы и русофобы. Приключения французов в николаевской России. Санкт-Петербург, 2020 [Tan'shina N.P. Rusofily i rusofoby. Prikliucheniia frantsuzov v nikolaevskoi Rossii. Sankt-Peterburg, 2020].
- Таньшина Н.П.* Самодержавие и либерализм: эпоха Николая I и Луи-Филиппа Орлеанского. Москва, 2018 [Tan'shina N.P. Samoderzhavie i liberalizm: epokha Nikolaia I i Lui-Filippa Orleanskogo. Moscow, 2018].
- Цыкова К.А.* Россия второй половины XIX – начала XX вв. в трудах Анатоля Леруа-Болье. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Москва, 2005. [Tsykova K.A. Rossiia vtoroi poloviny XIX – nachala XX vv. v trudakh Anatolia Lerua-Bol'e. Avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. Moscow, 2005].
- Черкасов П.П.* Предисловие // Таньшина Н.П. Русофилы и русофобы. Приключения французов в николаевской России. Санкт-Петербург, 2020 [Cherkasov P.P. Predislovie // Tan'shina N.P. Rusofily i rusofoby. Prikliucheniia frantsuzov v nikolaevskoi Rossii. Sankt-Peterburg, 2020].
- Arlincourt Ch.-V.* L'Étoile polaire. Paris, 1843. Т. 1.
- Corbet Ch.* A l'ère des nationalismes. L'opinion française face à l'inconnue russe (1799-1894). Paris, 1967.
- Julvécourt P. de.* Balalayka, Chants populaires russes et autres morceaux de poésies traduits en vers en et prose. Paris, 1837.
- Lacroix F.* Les Mystères de la Russie, tableau politique et moral de l'Empire Russe. Paris, 1845.
- Lagny G. de.* Le knout et les Russes. Moeurs et organisation de la Russie. Paris, 1853.
- Leroy-Beaulieu A.* L'Empire des tsars et les Russes. Т. 1. Paris, 1881.
- Marmier X.* Lettres sur la Russie, la Finlande et la Pologne. Т. 1–2. Paris, 1843.
- Raeff M.* Introduction // Leroy-Beaulieu A. L'Empire des tsars et les Russes. Т. 1. Paris, 1991.
- Saint-Julien Ch., de.* Voyage pittoresque en Russie par M. Charles de Saint-Julien, suivi d'un Voyage en Sibirie, par M. R. Bourdier. Paris, 1854.

Таньшина Наталия Петровна

доктор исторических наук, профессор,
кафедра Всеобщей истории
Института общественных наук
РАНХиГС
119991, Москва, пр. Вернадского, д. 84;
профессор, кафедра новой и
новейшей истории
стран Европы и Америки,
Московский государственный
педагогический университет
119991, Москва, пр. Вернадского, д. 88
e-mail: nata.tanshina@mail.ru

Natalia Tanshina

Dr. Hab. (History), professor,
the Department of General History of
the Institute of Social Sciences, Russian
Presidential Academy of National
Economy and Public Administration 88
Vernadsky Avenue, Moscow, 119991;
professor, Moscow pedagogical state
University, 84 Vernadsky Avenue,
Moscow, 119991
e-mail: nata.tanshina@mail.ru
Researcher ID Q-9669-2016
ORCID: 0000-0001-7373-592X